

В. Я. Мауль

**ТИМОФЕЙ МЯСНИКОВ — ПУГАЧЕВСКИЙ АТАМАН:
ОПЫТ ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

История Пугачевского бунта с давних пор привлекала внимание масштабом и яркостью своих сюжетных коллизий. Написанное о нем дореволюционными и советскими учеными порой создает обманчивое впечатление тщательной и всесторонней изученности различных его аспектов. В частности, имеется достаточно внушительный пласт научной и научно-популярной литературы биографического характера, рассказывающей о самом Емельяне Пугачеве и о его боевых соратниках.¹

Однако, по справедливому и сегодня мнению Р. В. Овчинникова, тем пугачевцам, «которые находились как бы на втором плане событий 1773–1774 гг.», «в литературных и в исторических источниках» повезло меньше. «Между тем, — полагал историк, — изучение их жизненного пути и боевой деятельности имеет первостепенное значение в исследовании генеральных и частных проблем истории Пугачевского восстания».²

Как представляется, в современной эпистемологической и общественно-политической ситуации назрела настоятельная потребность в устранении этих историографических лакун, что можно сделать обратившись к эвристическому потенциалу новейшей научной лаборатории историка.

В свое время Ю. М. Лотман категорично утверждал, что «биография неизвестного человека — тема для романиста: она почти недоступна для историка-биографа, поскольку неизвестность подразумевает отсутствие ис-

точников — препятствие, перед которым исследователь в бессилии отступает».³

Преодолевая названные авторитетным ученым трудности, историк обращается к ненамеренным свидетельствам документов, стремится поставить себе на службу многочисленные косвенные ссылки и не до конца прозрачные намеки, раскрыть их смысл, а затем увязать полученную информацию в единую, цельную историческую картину жизненного пути рядового простолюдина прошлого. К тому же историк обязан помнить, что в жизни изучаемого персонажа сочетаются как объективные, так и субъективные моменты. И хотя позиция биографа по отношению к своему герою по определению также субъективна, созданный им биографический нарратив не должен принимать обличительного либо апологетического характера. Данные обстоятельства неизбежно детерминируют особенное внимание к выбору «методологической оптики», сквозь призму которой историк намерен обращаться к прошлому.

Не секрет, что в познавательном инструментарии историка сегодня все большее место занимает историческая психология с ее гносеологическими потенциями, методологическими практиками и стратегиями, способными обеспечить синтез различных аспектов истории и в силу этого не просто описать отдельные события человеческой жизни, но и истолковать их логику. Обращаясь к историко-психологическим интерпретациям, предполагаем, что они могут оказаться плодотворными при изучении жизненного пути не только великих личностей, но и персонажей «второго плана». Наиболее продуктивными для нашего биографического проекта представляются идеи, разработанные в рамках психоаналитической теории кризиса идентичности в различных ее модификациях.

В свете этих концепций жизнь человека предстает как цепь психосоциальных конфликтов, или кризисов, каждый из которых оказывается экзистенциальным вызовом, требующим адекватного ответа. В такой ситуации

¹ См., напр.: Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники: в 3 т. СПб., 1884; И. П. Главные пособники Пугачева // Русская старина. 1876. Т. 16. С. 479–508, 607–626. Т. 17. С. 54–74; Усманов А. Н. Кинзя Арсланов выдающийся сподвижник Пугачева // Ист. зап. М., 1962. Т. 71. С. 113–133; Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панях В. М. Пугачев и его сподвижники. Л., 1974; Гвоздикова И. М. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа, 1982; Буганов В. И. Пугачев. М., 1984.

² Овчинников Р. В. Документы свидетельствуют // Под знаменами Пугачева (к 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева). Челябинск, 1973. С. 39, 40.

³ Лотман Ю. М. Биография — живое лицо // Новый мир. 1985. № 2. С. 229.

поиск идентичности становится движущей силой социализации, в процессе которой человек выбирает между адаптивным и неадаптивным путями разрешения кризиса. И только когда идентичность обретена, а конфликт получил соответствующее разрешение, человек оказывается готовым к преодолению нового кризиса.

С целью выяснить, насколько может быть продуктивен данный подход, попытаемся осуществить историко-психологическую реконструкцию жизненного пути одной из сравнительно малоизвестных в масштабе отечественной истории личностей — пугачевского атамана, яицкого казака Тимофея Григорьевича Мясникова. О нем сохранилось не очень много сведений, и все они представляют его типичным «продуктом» своей эпохи и общества, вполне заурядным человеком «второго плана», который, хотя и оставил свой след в истории, однако же не стал ее признанным творцом. А потому едва ли стоило ожидать, что письменные источники последовательно, шаг за шагом раскроют нам подробности его судьбы. Не удивительно, что до сих пор в науке нет даже лапидарной биографии ближайшего сподвижника «повстанческого императора»: дореволюционным историкам особенно не за что было обрушивать на него свой пылкий гнев, у советских же историков не было серьезных оснований для его героизации.

О невысоком происхождении Тимофея Мясникова отчасти говорит его фамилия, предположительно восходящая к названию занятия основателей династии. Мясниками обычно называли тех, кто «бьет скот, продает мясо». Они имели дело с продуктами не только животноводства, но и охотничьего промысла. Судя по выводам ученых, Мясниковы были русским родом.⁴

Чтобы понять, как и когда жизнь Мясниковых оказалась связанной с Яиком, обратим внимание на то, что ряды казачества с давних пор пополнялись в основном за счет беглецов из различных губерний страны (Казанской, Симбирской, Самарской, Нижегородской и др.). Преимущественно они принадлежали к крестьянскому сословию. Так, по переписи 1723 г., выходцами из крестьянских семей были 1922 человека из 3164 числящих себя яицкими казаками. Разумеется, в условиях

крепостнической России к казакам бежали не от хорошей жизни, но именно в поисках ее, так как «на общий материальный достаток яицких казаков указывали многие современники».⁵

К этому стоит добавить громкую славу казацкой вольницы, слухи о которой передавались из уст в уста. Обрастая завораживающими легендами и мифами, они нередко находили и фактическое подтверждение. Оказавшись на Яике, беглецы сразу же приобретали несколько важнейших атрибутов казака: освобождались от крепостной зависимости, помещицкой эксплуатации и повинностей в пользу государства.

Подобным образом в 1711 г. на Яике появился и симбирский крестьянин Казанской губернии Тимофей Мясников вместе со своей семьей (по губернской реформе Петра I Симбирск вошел в состав Казанской губернии).⁶ Однако за шесть лет неопит так и не сумел стать «своим среди чужих»: жил, «не являясь в войсковой Круг», и лишь спустя долгое время, в 1717 г., «по челобитной» был поверстан «в казаки войсковым Атаманом Меркульевым, есаулом Силиным, Горковым и другими “набольшими людьми”».⁷

Надо полагать, что к началу Пугачевского бунта «яицкая генеалогия» Мясниковых насчитывала не более двух-трех поколений. Мясниковы оказались на Яике в то время, когда «казачья обыкность» уже серьезно девальвировалась в результате политики активного огосударствления. Поэтому о героических традициях былых времен они могли знать преимущественно из рассказов яицких старожил да из многочисленных казацких песен и былей про «батюшку Яика Горыныча». Наступление государства на права вольного казачества разрушало старинный «идеал гармонии» на Яике, что становилось препятствием для возникновения свойственных прежним поколениям казаков четких, фиксированных установок, органично вписанных в пространство традиционной культуры. Поэтому Мясниковы, хотя и стремились к этому, полностью не

⁵ Андрущенко А. И. Классовая борьба яицких казаков накануне Крестьянской войны 1773–1775 гг. // История СССР. 1960. № 1. С. 145.

⁶ В документах переписи 1723 г. среди яицких жителей также назван, видимо, его сын Даниил Тимофеев Мясник, родом из Симбирска. См.: Назаров А. И. Указ. соч. С. 49.

⁷ Рознер И. Г. Яик перед бурей (Восстание 1772 года на Яике — предвестник Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева). М., 1966. С. 37.

⁴ См.: Назаров А. И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. Алматы, 2003. С. 67, 226.

могли идентифицировать себя с казачеством.⁸ У них с неизбежностью должны были формироваться диффузные установки как бессознательная психическая реакция на привычные, но стремительно менявшиеся реалии, которые становилось невозможно идентифицировать. Особенно сильно эти обстоятельства должны были травмировать психику Т. Г. Мясникова, который родился около 1746 г. и значительную часть жизни провел в административном центре казачества — Яицком городке, т. е., в принципе, вполне мог бы считать себя представителем казачьего войска. Грамоте он обучен не был, читать и писать не умел. С малолетства повседневный быт Мясникова едва ли многим отличался от привычных занятий других яицких казаков, которые, как известно, издавна славились «помимо бранного поля, и мирным промыслом своим — обширным и оригинальным рыболовством».⁹ Поэтому, когда на Яике наступал промысловый сезон (зимой, весной и осенью), Мясников, вероятно, вместе со всеми отправлялся добывать белугу, осетра, севрюгу, стерлядь, сазана, всякого рода белорыбицу (щуку, судака, леща, чехонь и др.). Солил, вялил, сушил рыбу впрок, заготавливал черную икру для себя и на продажу. Время от времени охотился на сайгаков, диких кабанов, иного зверя (на волка, лисицу, выдру), а также птицу. Занимался он, по-видимому, и сапожным ремеслом, дав однажды повод Е. И. Пугачеву пошутить: «...как же де ты, еще чеботарь, а без сапог».¹⁰

С 18 лет, подобно многим своим сверстникам, Тимофей Мясников был поверстан на службу, о которой оренбургский губернатор И. И. Неплюев красноречиво писал, что ни у одного из подведомственных ему нерегулярных войск служба «не столь трудная, как яицкая войсковая, во многих нарядах состоящая».¹¹ И хотя в XVIII в. яицкие казаки не-

изменно привлекались ко всем войнам и ко многим военным походам русской армии, об участии в них Тимофея Мясникова сведений нет. Вероятно, он отбывал свою службу в крепостях Нижней или Верхней Яицкой дистанции, где постоянная угроза набегов калмыцких, казахских и других степняков приучала к бдительности, большим лишениям и вырабатывала быстроту реакции и соответствующие боевые навыки. Несомненно, что этими столь необходимыми каждому казаку качествами в полной мере обладал и Мясников.

Симптоматично, что в условиях наступления государственного «регулярства», когда среди казаков на Яике произошел антагонистический раскол, спровоцированный кризисом коллективной идентичности внутри этой вольной корпорации воинов и бунтарей,¹² Мясников оказался на «непослушной», войсковой, стороне Яицкого казачьего войска, включавшей в себя преимущественно «рядовые» и «захудалые» слои казачества и решительно противостоявшей старшинской партии. Если «послушная» часть казачества, заинтересованная в получении чинов, должностей и привилегий, как правило, стремилась выступать на стороне правительства, то для войсковых казаков были характерны переживания обиды, необоснованного ущемления их исконных прав, нарушаемых и государством, и атаманами со старшиной. Усиливалось у них и чувство утраты привычной социальной гармонии, обострялись ощущения несправедливости, и, как следствие, возникал ропот и росли протестные настроения и действия.

В такой напряженной эмоциональной атмосфере на «Яике перед бурей» принадлежность к социально активной части казачьего войска предоставляла хорошие шансы выйти из-за кулис исторической «гримерки» на авансцену театра истории, обрести собственную идентичность, что могло стать для Мясникова результативной психотерапией, позволяющей удовлетворить его растущие психологические потребности в признании и самоактуализации, его желание быть большим казаком, чем сами казаки.¹³

⁸ По мнению ученых, компонентами коллективной идентичности являются: общее историческое прошлое, историческая память, пространственно-временные концепты, групповая совесть, мифология, религиозные доктрины, общепринятые ритуалы, биосоциальный опыт, система общезначимых моделей-образцов, географическое местоположение и национальное ощущение пространства, преобладающие экономические модели, коллективные мнения, ощущения, предрассудки, семейные образцы, порочные и идеальные прототипы, отношение к чужим ценностям.

⁹ Бородин Н. А. Уральские казаки и их рыболовства. СПб., 1901. С. 3.

¹⁰ Протокол показаний Т. Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии от 16 июня 1774 г. РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 132.

¹¹ Цит. по: Рознер И. Г. Указ. соч. С. 54.

¹² См.: Петрухинцев Н. Раскол на Яике // Родина. 2004. № 5. С. 78–81.

¹³ *Потребность в признании* — стремление человека к устойчивой и, как правило, высокой оценке собственных достоинств со стороны окружающих, а также потребность в репутации или престиже, в завоевании статуса, внимания, признания, славы. *Самоактуализация как психологическая потребность* — стремление человека к самовоплощению, к

Подобная психологическая детерминанта обычно становится катализатором поведенческой активности. При этом, по мнению специалистов, даже если человек сам «не имеет о ней никакого представления, он все же безошибочно прибегает к средствам, необходимым для ее удовлетворения».¹⁴

Эти факторы предопределяли характер и содержание повседневных коммуникаций Мясникова, тот круг общения, в котором рождались личные привязанности, симпатии и антипатии, зрело общественное недовольство, активно циркулировали оптимистические слухи, несущие монархическую окраску, получали хождение всякого рода социальные утопии (например, о «городе Игната»¹⁵) и т. д. По справедливому мнению ученых, «и сами массовые слухи, и питающая их среда, ментальность» являются симптомами и продуктами «разлома стабильного общества, его перехода к иному состоянию».¹⁶

Не был исключением и объект нашего интереса, испытывавший неудовлетворенность собственной статусной ролью. Слухи для него являлись вполне привычным и даже единственным каналом получения информации, которой невозможно не доверять. Рассуждает о них он вполне прагматично, хотя они касались такого сакрального персонажа, как царь, и переворачивали весь привычный ему мир: «А в то же время разгласил по городку казак Денис Караваев, что будто этот человек, которого ищут под именем казака Пугачева, есть действительно государь Петр Третий, император, которой де не умер так, как об нем известно».¹⁷

Однако слухи активно играли свою роль только тогда, когда совпадали с настроениями простонародья. В этом случае они казались даже более достоверными, чем декларации властей. Так, например, Мясников о смерти «императора Петра Третьяго знал», но, тем не

менее, подобно многим другим, поверив слухам, стал адептом Пугачева. Это доказывает, что почва для появления «истинного царя» Петра III на Яике была уже подготовлена и он какое-то время ожидался казаками, переживавшими под влиянием правительственных интервенций кризис собственной идентичности. Решение важнейшего для рядового человека вопроса — принять или нет объявившегося «Петра III» — во многом зависело от позиции авторитетных в данном конкретном сообществе людей, а «по сему разнесемому слуху на Яике между казаками происходили о явившемся государе разные толки: иные говорили, что он действительно жив, а другие сему не верили».¹⁸

Протокол допроса Мясникова в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 г. дает некоторые дополнительные сведения о нашем герое. Историк А. С. Светенко так характеризует документ: «В показаниях Мясникова... нет и тени видимого раскаяния и осуждения действий Пугачева. Даже в условиях неравной психологической борьбы Мясников не пошел на лжепризнания, не стал умалять своего участия в движении».¹⁹

Подобные протоколы, как известно, принадлежат к специальной отрасли государственного делопроизводства, относятся к судебно-следственным материалам, весьма интересным, но в то же время и сложным с источниковедческой точки зрения. В них, как правило, достаточно полно раскрывалась картина жизни подследственных, но дело Мясникова, тем не менее, содержит весьма скудную информацию о его жизни до Пугачевского бунта: «От роду ему 28 лет. Жительство он имел в Яицком городке. Во время прежняго яицкого бунта (речь идет о восстании яицких казаков в 1772 г. — В. М.) был он, Мясников, с бунтующей стороны. И как по следствию тогда был он не из главных бунтовщиков, то остался без наказания».²⁰

Из показаний видно, что критический момент экзистенциального выбора, когда, возможно, решалось будущее яицких казаков, их исконных прав и обычаев, Мясников не сумел использовать для того, чтобы наконец-то выйти на первые роли. Вместо этого он по-прежнему оставался на обочине яицкой жизни, за крепкими спинами товарищей по войсковому братству, словно бы отстаивавших в борьбе с

актуализации заложенных в нем потенциалов, которое можно назвать стремлением к идентичности (Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999. С. 77–105).

¹⁴ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966. С. 367.

¹⁵ Мякушин Н. Г. Сборник Уральских Казачьих песен. СПб., 1890. С. 63–65.

¹⁶ Дубин Б. В., Толстых А. В. Слухи как социально-психологический феномен // Вопр. психологии. 1993. № 3. С. 77.

¹⁷ Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т. Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 года // Вопр. истории. 1980. № 4. С. 97. Оригиналы протоколов показаний Т. Г. Мясникова на допросах в Оренбургской секретной комиссии 9 мая и 16 июня 1774 г. хранятся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 106–116, 117–136).

¹⁸ Протокол показаний... 9 мая 1774 года. С. 97.

¹⁹ Светенко А. С. Показания командира пугачевской гвардии // Вопр. истории. 1980. № 4. С. 96.

²⁰ Протокол показаний... 9 мая 1774 года. С. 97.

сановным Петербургом только свои собственные интересы. Осознание упущенного шанса органично вписаться в групповую идентичность не могло не вызывать у него эмоционального расстройства и растерянности в обстановке последовавших жестоких репрессий и торжества атаманской партии и правительственных сил: «Хотя... и принуждены мы были остаться безо всякого удовлетворения и, как может быть многие думали, в спокойном духе, но искра злобы за такую несправедливость всегда у нас крылась до тех пор, пока изобрели удобный случай и время».²¹

Появление на Яике «истинного царя» Петра III и спровоцированный этим Пугачевский бунт могли восприниматься Тимофеем Мясниковым как еще один дар судьбы, как последняя возможность обрести свою идентичность. Эти события вынуждали его к открытой поведенческой активности: «Являсь же у самозванца, представил ему свои услуги, а он на то сказал: “Хорошо, брат, поезжай со мною”».²²

Несколько недолгих месяцев из жизни Мясникова в период самой Пугачевщины реконструируются в основном по материалам следственных дел. Выделим из них лишь ключевые фрагменты. Известно, что в конце августа 1773 г. Тимофей Мясников с казаками И. Н. Зарубиным-Чикой, М. Г. Шигаевым и Д. К. Караваяевым встречался с Пугачевым, скрывавшимся на Таловом уме под Яицким городком, совместно с ними участвовал в обсуждении плана будущих действий, делая при этом достаточно смелые заявления: «Мы из грязи сумеем сделать князя, — самоуверенно говорил он. — Если он (т. е. Пугачев — В. М.) не завладеет московским царством, так мы на Яике сделаем свое царство».²³

Выходец из семьи бывших крестьян, Мясников проявлял себя ярким сторонником старинных казачьих традиций, возрождение которых воспринимал как дело собственной жизни или смерти: «Мы вздумали взять его под свое заступление и сделать над собою властелином и восстановителем своих притесненных и почти упавших обрядов и обычаев, которые давно стараются у нас переменить».²⁴

Категоричность и решительность суждений и действий играли здесь роль своеобразного компенсаторного механизма, позволявшего Тимофею Мясникову преодолеть кризис идентичности и имманентный страх перед любой властью (при виде «истинного» Петра III «ево, Мясникова, великой страх обуял, так что руки и ноги затряслись»), но в то же время и стать поближе к властителю, «служить верно из одного усердия, а не для какого-либо награждения».²⁵

Поэтому с самого начала Тимофей Мясников находился в передовых рядах повстанцев: вскоре на войсковом кругу он был избран сотником, а с середины октября стал командиром пугачевской гвардии — ста отборных казаков, осуществлявших организацию караульной службы в Берде и охрану ставки Пугачева, а также отвечавших за личную безопасность «императора» («И буде куда он отлучался, то всегда за ним и ездили»)²⁶.

По словам хорунжего Оренбургского нерегулярного войска Родиона Чеботарева, «караул при нем (Пугачеве — В. М.), который составляет из немалой кучи, содержат одни только яицкие казаки, на верность которых он больше полагался, и которые перед всеми прочими преимуществуют». Есть данные, что Пугачев намеревался и внешне особым образом выделить своих «гвардионцев» — одеть их «в мундиры из зеленого сукна, наподобие мундиров преображенцев». Однако осуществить свое намерение он так и не успел.²⁷

Повсюду сопровождая «Петра III», Тимофей Мясников принимал участие в боевых операциях лишь изредка, поэтому, по словам начальника секретных комиссий генерал-майора П. С. Потемкина, «смертоубийств особенно не делал».²⁸ Однако и ратных подвигов, прославивших пугачевских фельдмаршалов и полковников, ему было не суждено совершить. Не дождался он и «высочайшего» награждения титулом какого-нибудь графа, хотя примеров подобного рода история Пугачевщины

²¹ Цит. по: Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 221.

²² Протокол показаний. 9 мая 1774 года. С. 99.

²³ Цит. по: Буганов В. И. Указ. соч. С. 84; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 220, 221; Уланов В. Я. Пугачевщина // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. М., 1994. Т. 5. С. 12.

²⁴ Емельян Пугачев на следствии: сб. документов и материалов. М., 1997. С. 441; Дубровин Н. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 221.

²⁵ Протокол показаний... 9 мая 1774 года. С. 98, 101.

²⁶ Там же. С. 100.

²⁷ См.: Пугачевщина. Т. 2: Из следственных материалов и официальной переписки. М.; Л., 1929. С. 389. См. также: Крестьянская война в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1966. Т. 2. С. 469; Мавродин В. В. Под знаменем Крестьянской войны (война под предводительством Емельяна Пугачева). М., 1974. С. 107.

²⁸ Цит. по: Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта // Приложение к Т. XXV «Записок» императорской Академии наук. СПб., 1875. С. 123.

знает немало. Пусть он и находился всегда вблизи «истинного царя», но большого значения для повстанческого движения не имел: функции командира гвардии оказались чисто номинальными; реальные дела в ходе бунта вершили совсем иные люди. Косвенным показателем его роли «второго плана» являются лишь единичные упоминания фамилии Мясникова во всех фундаментальных монографиях по истории Пугачевского бунта. Прямыми же доказательствами можно считать его собственные признания, например, в разговоре с Максимом Горшковым. Изрядно выпив, он жаловался собеседнику на горькую несправедливость: «Смотри де, пожалуй, — прежде сего Овчинникова и чорт не знал, а ныне в какую большую милость вошел к государю и зделался над нами командиром, так что и слова уже не даст нам выговорить, и ни за что нас не почитает. А вить де мы государя-та нашли, и мы его возвели, а в те де поры едаких Овчинниковых и в глазах не было; а ныне де он, то-есть самозванец, изволит жаловать больше его и других, подобных ему, не знаемо за что, а нас оставляет».²⁹

Этот яйцкий «Де Тревиль» так все время и находился словно бы в тени больших событий, вплоть до разгрома основных очагов Пугачевского бунта. «Человек, оставшийся вне революции» — так звучит подзаголовок к монографии о И. В. Сталине американского историка Роберта Слассера. Данные слова, перефразируя, вполне можно было бы отнести и к Тимофею Мясникову.

После поражения в битве под Сакмарским городком он бежал в Илецкий городок, где неделю спустя, 7 апреля 1774 г., был схвачен и отконвоирован в Оренбург. Во время допросов он не мог не испытывать фрустрации, осознавая, что нарушил «верную ея императорскому величеству присягу» и служил «ложному кумиру». Тем не менее, судя по показаниям, держался он стойко и достаточно независимо: «Вить вот вы де называете ево Пугачевым, а он так называет себя государем, и мы за такого ево и почитали».³⁰ В результате производивший по его делу дознание гвардии капитан-поручик С. И. Маврин вынужден был прийти к обоснованному выводу, который в другой, не столь трагичной, ситуации, наверное, мог бы понравиться нашему

герою. С. И. Маврин отметил, что Мясников «из первых сообщников и преданных самозванцу, и щадить не должно».³¹

7 ноября 1774 г. по распоряжению властей Мясников был доставлен в Москву, где проходило «генеральное» следствие по делу Пугачева с ближайшими сподвижниками, и помещен в тюремную камеру в здании Монетного двора. Через десять дней он дал краткие показания на допросе в следственной комиссии,³² после чего по итогам судебного процесса был зачислен «по 6-му разряду» и приговорен к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей и отправке на поселение. Эзекучия совершилась 10 января 1775 г. на Болотной площади в древней столице сразу же вслед за казнью Пугачева, А. П. Перфильева, Шигаева, Т. И. Подурова и В. И. Торнова.

Местом вечной ссылки был определен заполярный Кольский острог в Архангельской губернии, с конца XVII в. неоднократно принимавший репрессированных государственных преступников, из числа которых можно, например, назвать боярина Леонтия Неплюева, дворянина Семена Ивановича Лопухина и др.

В эту суровую лапландскую глушь Мясников с другими ссыльными пугачевцами — всего 10 человек (М. А. Кожевников, П. Т. Кочуров, П. П. Толкачев, И. С. Харчев, Т. П. Скачков, П. И. Горшенин, П. Л. Ягунов, С. М. Оболяев, А. С. Чучков) — прибыл в феврале 1775 г. Здесь, в самом северном остроге Европейской России, ставшем для них последним пристанищем, им было предписано добывать себе пропитание охотой и рыболовством.³³

О дальнейшей судьбе Мясникова конкретная информация отсутствует. Из рассказов местных старожилов узнаем, что некоторые из бывших пугачевцев «женились в Коле и приписались в кольские мещане или в крестьяне в лопарских погостах».³⁴ Эти сведения, вполне возможно, относятся также и к Мясникову. Очевидно, все последующие годы

³¹ Цит. по: Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками. М., 1995. С. 142.

³² Оригинал протокола показаний Т. Г. Мясникова на допросе в следственной комиссии в Москве 17 ноября 1774 г. находится в РГАДА (Ф. 6. Д. 512. Ч. 1. Л. 256–257).

³³ См.: Мартынов М. Н. Пугачевцы в ссылке на Севере // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 246–249; Овчинников Р. В. Документы о пугачевцах, отбывавших ссылку на Беломорском Севере // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1993. С. 123–146.

³⁴ Голубцов Н. А. К истории города Колы Архангельской губернии // Изв. Арханг. о-ва изучения Русского Севера. 1911. № 5. С. 397.

²⁹ Пугачевщина. Т. 2. С. 115.

³⁰ Протокол показаний... 9 мая 1774 года. С. 101.

ссылным казакам приходилось упорно выживать в непривычных и экстремальных условиях борьбы за существование. Известно точно, что в сводной ведомости комиссии по пересмотру прежних уголовных дел от 1801 г. среди пугачевцев, отбывающих наказание в Кольском остроге, Мясников уже не упоминается. Это дает основание предполагать, что в последней четверти XVIII в. его жизненный путь оборвался.

Таким образом, видим, что данных для досконального воссоздания жизненного пути командира пугачевской гвардии действительно немного. Их явно недостаточно для того, чтобы написать новую книгу для серии «Жизнь замечательных людей» или «Пламенные революционеры». Однако с трудностями подобного рода современный исследователь, акцентированно изучающий повседневную или протестную историю простонародья, сталкивается на каждом шагу, так что казус Мясникова — не исключение, а норма.

Но если с «внешней» биографией нашего героя нам не очень повезло, можно попытаться реконструировать его «внутреннюю жизнь», которую следует «рассматривать как психологическую составляющую жизненного пути. Она не только отражает реальные события, но и сама является субъективной реальностью — жизнью».³⁵ Иначе говоря, познавательный интерес следует сосредоточить на индивидуальных чертах и особенностях Тимофея Мясникова, цельности или же противоречивости его натуры. Тогда будет актуализироваться «картина мира» нашего героя, отражающая склад его личности, умонастроения, широкий круг представлений, в том числе и недостаточно отрефлектированных им самим, а потому не подвергнутых логической систематизации. Следует изучить его высказанные мысли, проанализировать известные поведенческие реакции и стереотипы, привести их в сколько-нибудь целостную систему и на этой основе воссоздать реальный облик конкретного человека «второго плана».

Ключевые слова: *кризис идентичности, казаки, бунт, пугачевская гвардия*

Viktor Ya. Maul

Doctor of Historical Sciences, Tyumen State Oil and Gas University,
Branch in Nizhnevartovsk (Russia, Nizhnevartovsk)
E-mail: VYMaul@mail.ru

TIMOFEY MYASNIKOV — A PUGACHEV'S ATAMAN: AN ATTEMPT OF HISTORICAL-PSYCHOLOGICAL RECONSTRUCTION

The article describes an attempted reconstruction of the biography of one of the Pugachev's atamans, the Yaitsk Cossack Timofey Grigorievich Myasnikov. The reconstruction was performed with the use of modern cognitive approaches and techniques. Based on the analysis of the court evidence related to investigation of the Myasnikov's and other Pugachev's atamans cases from the historical and psychological positions the author tried to reconstruct some of the true personality features of one of the most prominent associates of the "true tsar" Peter III (Pugachev). The study illustrates the mechanism of transformation of personal identity search into a powerful catalyst of behavioural activity of the Pugachev's army officer under the conditions of maturing of rebellious moods on the Yaik river.

Key words: *identity crisis, cossacks, revolt, the Pugachev's guards*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

- Andrushchenko A. I. *Istoriya SSSR (History of the USSR)*, 1960, № 1, pp. 143–159. (in Russ.).
- Borodin N. A. St. Petersburg: Izdanie "Vestnika kazachikh voysk", 1901, 31 p. (in Russ.).
- Buganov V. I. Moscow: Molodaya gvardiya, 1984, 383 p. (in Russ.).
- Dubin B. V., Tolstykh A. V. *Voprosy psikhologii (Questions of Psychology)*, 1993, № 3, pp. 77–81. (in Russ.).

³⁵ Логинова Н. А. Жизненный путь человека как проблема психологии // *Вопр. психологии*. 1985. № 1. С. 105.

- Dubrovin N. F. St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1884, Vol. 1, 411 p.; Vol. 2, 424 p.; Vol. 3, 415 p. (in Russ.).
- Golubtsov N. A. *Izvestiya Arkhangel'skogo Obshchestva izucheniya Russkogo severa* (Proceedings of the Archangel Society for the Study of the Russian North), 1911, № 5, pp. 392–401. (in Russ.).
- Gvozdikova I. M. Ufa: Bash. kn. izd-vo, 1982, 208 p. (in Russ.).
- Krestyanskaya voyna v 1773–1775 godakh. Vosstanie Pugacheva* (The Peasant War in 1773–1775. Pugachev's Rebellion). Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1966, Vol. 2, 512 p. (in Russ.).
- Limonov Yu. A., Mavrodin V. V., Paneyakh V. M. Leningrad: Nauka, 1974, 188 p. (in Russ.).
- Loginova N. A. *Voprosy psikhologii* (Questions of Psychology), 1958, № 1, pp. 103–109. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. *Novyy mir* (The New World), 1985, № 2, pp. 228–236. (in Russ.).
- Martynov M. N. *Borba klassov* (The class struggle), 1924, № 1–2, pp. 246–249. (in Russ.).
- Maslou A. St. Petersburg: Yevraziya, 1999, 478 p. (in Russ.).
- Mavrodin V. V. Moscow: Mysl, 1974, 151 p. (in Russ.).
- Myakushin N. G. St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1890, 290 p. (in Russ.).
- Nazarov A. I. Almaty: Kompleks, 2003, 298 p. (in Russ.).
- Ovchinnikov R. V. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.): sb. nauch. tr.* (Research on source of Russian history (before 1917): collected papers). Moscow: Izd-vo IRI RA, 1993, pp. 123–146. (in Russ.).
- Ovchinnikov R. V. Moscow: Izd-vo IRI RAN, 1995, 272 p. (in Russ.).
- Ovchinnikov R. V. *Pod znamenami Pugacheva (k 200-letiyu Krestyanskoy voyny pod predvoditel'stvom Ye. I. Pugacheva): sb. nauch. tr.* (Under the banner of Pugachev (the 200th anniversary of the Peasants' War under the leadership of E. I. Pugachev): collected papers). Chelyabinsk, 1973, pp. 39–40 (in Russ.).
- Petrukhintsev N. *Rodina* (Motherland), 2004, № 5, pp. 78–81. (in Russ.).
- Prilozhenie k T. XXV «Zapisok» imperatorskoy Akademii nauk* (The appendix to Vol. XXV “Notes” of Imperial Academy of Sciences). St. Petersburg, 1875, pp. 1–144. (in Russ.).
- Pugachevshchina* (Pugachevshchina). Moscow; Leningrad: Gosizdat, Vol. 2, 1929, 496 p. (in Russ.).
- Rozner I. G. Moscow: Mysl, 1966, 207 p. (in Russ.).
- Russkaya starina* (Russian Antiquity), 1876, Vol. 16, pp. 479–508, 607–626; Vol. 17, pp. 54–74. (in Russ.).
- Svetenko A. S. *Voprosy istorii* (Questions of History), 1980, № 4, pp. 95–97. (in Russ.).
- Ulanov V. Ya. *Tri veka: Rossiya ot Smuty do nashego vremeni: sb. nauch. tr.* (Three Centuries: Russia from the Troubles to this day: collected papers). Moscow: GIS, 1994, Vol. 5, pp. 5–23. (in Russ.).
- Usmanov A. N. *Istoricheskie zapiski: sb. nauch. tr.* (Historical Notes: collected papers). Moscow, 1962, Vol. 71, pp. 113–133. (in Russ.).
- Uznadze D. N. Moscow: Nauka, 1966, 450 p. (in Russ.).
- Voprosy istorii* (Questions of History), 1980, № 4, pp. 97–103. (in Russ.).
- Yemelyan Pugachev na sledstvi* (Emelyan Pugachev at the inquest). Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1997, 464 p. (in Russ.).